

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. Вейсманъ-Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Альбертъ Торвальдсенъ. **. —
 II. Осенью. (Стих). С. Дрожжина. — III. Изъ прошлаго.
 Мери С—вой. — IV. Моя няня. Е. Григоровой.

АЛЬБЕРТЪ ТОР- ВАЛЬДСЕНЪ.

IV.

ВЪ АВГУСТЪ 1815 г. въ Копенгагенѣ по случаю коронаціи Фридриха VI устроена была художественная выставка. Многія изъ прежнихъ работъ Торвальдсена, въ разное время пересланныя имъ въ Копенгагенъ, вынесены были изъ академическихъ залъ и предстали на судъ публики. Копенгагенцы на выставкѣ познакомились съ прекрасными произ-

веденіями своего геніальнаго соотечественника; восторгъ былъ всеобщій. Вниманіе, возбужденное Торвальдсеномъ, снова подняло вопросъ о возвращеніи его въ отечество, но онъ по видимому не рассчитывалъ на скорый отъѣздъ свой и только заботился о томъ, какъ бы устроиться попросторнѣе и поудобнѣе. У подножія высокой террасы Palazzo Barberini, на углу площади и тѣснаго переулка Viccolo delle Colonette лежить небольшой садикъ съ тремя невысокими зданіями. Эти три домика Торвальдсенъ избралъ для своихъ мастерскихъ, такъ какъ кругъ его дѣятельности сильно расширился. Въ этомъ домикѣ онъ прожилъ до своего выѣзда изъ Италіи.

Мастерскія Торвальдсена вскорѣ украсились новыми замѣчательными произведеніями: статуя Гебы явилась въ улучшенномъ видѣ, Ганимедъ, подающій чашу съ нектаромъ, появился въ видѣ Ганимеда наливающимъ въ чашу нектаръ. Въ это же время онъ окончилъ одну изъ своихъ знаменитыхъ статуй: Венеру съ яблокомъ. Заказъ за заказомъ сыпались на Торвальдсена со всѣхъ сторонъ: изъ Мюнхена, съ Ионическихъ острововъ, изъ Польши, изъ Вѣны; австрійскій богачъ, князь Эстергазе заказалъ ему свой бюстъ и для своей вѣнской галереи: Амура и Танцовщицу. Въ это же время мастерскую Торвальдсена посѣтилъ 'лордъ Байронъ и заказалъ ему свой бюстъ. Бюстовъ Байрона изъ мрамора и гипса въ Англіи распродано было множество. Одинъ экземпляръ Торвальдсенъ сдѣлалъ для себя изъ превосходнаго греческаго мрамора. Къ этому же періоду относится его небольшая группа: Ганимедъ съ орломъ Юпитера и эскизъ—Пастуха. Трудно дать понятіе о красотѣ этихъ двухъ прелестныхъ статуй тѣмъ, кто ихъ не видалъ. Едва онъ окончилъ статую Пастуха, какъ принялся за статую Надежды.

V.

Наконецъ, любимая мечта Торвальдсена исполнилась. Графъ Соммарива, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Италіи,

любитель изящныхъ искусствъ, заказаль ему, для своей виллы на Комскомъ озерѣ, изъ мрамора знаменитый фризъ — Вступленіе Александра великаго. Какъ истинный меценатъ, онъ открылъ Торвальдсену неограниченный кредитъ на домъ банкира Торлони въ Римѣ и предоставилъ самому художнику опредѣлить цѣну своему произведенію. Тогда въ Копенгагенѣ составили планъ собрать добровольной подпиской сумму для пріобрѣтенія этого фризиса и отъ имени народа поднести его въ подарокъ королю; но какъ поднести королю копію, а оригиналъ будетъ принадлежать частному лицу. Черезъ барона Шубарта уладили дѣло такъ: художникъ дополнить фризъ новыми группами и дать ему значеніе оригинальнаго произведенія. Фризъ этотъ пріобрѣлъ Копенгагенъ за 27,000 руб. сер. изъ суммъ государства.

Однажды Торвальдсенъ увидалъ на улицѣ молодаго римлянина, расположившагося въ такой изящной позѣ, что красотой своей поразилъ художника. Онъ удержалъ въ своей памяти граціозное положеніе этого молодаго человѣка, набросалъ эскизъ, а на другой день сталъ по немъ лѣпить своего Меркурія, — прекраснѣйшую изъ всѣхъ своихъ статуй.

Въ числѣ немногихъ женскихъ статуй и портретовъ, сдѣланныхъ Торвальдсеномъ, первое мѣсто принадлежитъ статуѣ княгини Барятинской. Въ то время, когда Торвальдсенъ занятъ былъ моделировкой этой статуи, два любимѣйшіе ученика его подготавливали для него двѣ новыя рабаты: Біенеме трудился надъ львомъ для монумента въ Люцернѣ, а Тенерани надъ группою — Три граціи.

Между тѣмъ мысль о родинѣ все чаще и чаще стала приходить на умъ Торвальдсену. Онъ вспомнилъ какъ давно и съ какимъ нетерпѣніемъ ждуть его въ Копенгагенѣ, вспомнилъ сколько разъ онъ давалъ слово пріѣхать, наконецъ, рѣшился исполнить свое обѣщаніе и сталъ готовиться къ отъѣзду. Но прежде чѣмъ ѣхать въ Копенгагенъ, отправился въ Геную, Флоренцію, Мюнхенъ; черезъ Лозанну и Бернъ про-

ѣхаль въ Люцернъ—здѣсь взглянулъ на своего льва, въ честь швейцарцевъ, на Шафгаузенскій водопадъ, потомъ въ Штутгардъ. По дорогѣ къ нему подошелъ молодой человѣкъ и попросилъ у него позволенія доѣхать въ его экипажѣ до города. Торвальдсенъ, съ своей обычной добротой, предложилъ ему мѣсто въ каретѣ. По пути юноша сказалъ, что онъ скульпторъ и торопится въ Штутгардъ, услыхавши, что тамъ будетъ Торвальдсенъ, то взглянуть на него.

— Ваше желаніе исполнено, сказалъ сидѣвшій съ ними въ каретѣ Луиджи, пріятель Торвальдсена, онъ передъ вами.

Изъ Штутгарда Торвальдсенъ проѣхаль въ Гейдельбергъ, Дармштадтъ и Франкфуртъ. Во Франкфуртъ онъ прибылъ наканунѣ празднованія семидесятилѣтняго юбилея Гете. Торвальдсенъ сходилъ съ великимъ германскимъ поэтомъ въ глубокомъ почитаніи древняго міра и любви къ античному искусству. Всеобщій восторгъ увлекъ его, и онъ вызвался принять участіе въ постановкѣ во Франкфуртѣ памятника великому старцу. Изъ Майнца онъ проѣхаль по Рейну. Въ Кельнѣ любовался великолѣпнымъ соборомъ и 3 октября увидѣлъ родной городъ. Сердце его забилося сильно. Взоры искали на горизонтѣ старую церковь Богоматери съ ея тремя золотыми коронами—она была разрушена англичанами. Съ грустнымъ чувствомъ въѣзжалъ Торвальдсенъ въ Копенгагенъ; несмотря на торжественный пріемъ, родной городъ казался ему чуждымъ; такъ много въ 23 года въ немъ измѣнилось. Онъ едва узнавалъ улицы, по которымъ бѣгалъ полуодѣтымъ, полуголоднымъ мальчикомъ, продавая свои рамы.

Торвальдсенъ проѣхаль прямо въ Шарлотенбургъ, гдѣ его приняли всѣ члены академіи, тамъ же была приготовлена для него квартира и студія. Здѣсь первый его встрѣтилъ старикъ швейцаръ, служившій въ былое время въ академіи натурщикомъ. При видѣ его молодость воскресла въ душѣ художника. Увлеченный сердечнымъ порывомъ, онъ бросился старику на шею и разцѣловалъ его. Вѣсть о прибытіи Торвальдсена мгновенно разнеслась по городу. Старые и

новые друзья, знакомые и незнакомые толпой тѣснились около него. Всѣ хотѣли его видѣть, пожать ему руку, поговорить съ нимъ. Торвальдсенъ встрѣчалъ всѣхъ ласково, дружелюбно и вскорѣ почувствовалъ себя дома, хотя оказываемыя ему почести смущали его и связывали ему руки. Журналы и газеты привѣтствовали прїѣздъ его, какъ національное торжество. Устраивали въ честь его обѣды, празднества, прїемы. Потомъ стали думать, какъ бы пользуясь пребываніемъ художника, украсить его работами великолѣпное зданіе королевскаго дворца и церковь Богоматери, начинавшую возставать изъ развалинъ.

По прїѣздѣ своемъ Торвальдсенъ представился королю и всей царской фамиліи. Между честнымъ, простымъ, добродушнымъ монархомъ и художникомъ вскорѣ установились самыя близкія отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи. Первые работы Торвальдсена въ Копенгагенѣ были бюсты царской фамиліи. Бюстъ короля поражалъ своимъ сходствомъ. Планъ церкви Богоматери и ея украшенія изумляли грандіозностью. Онъ хотѣлъ украсить ее рядомъ художественныхъ произведеній главныхъ дѣятелей первыхъ временъ христіанства, страстно предался своей идеи, спѣшилъ приступить къ дѣлу, и храмъ Богоматери въ Копенгагенѣ навсегда остался величественнымъ памятникомъ его генія.

До сихъ поръ воображеніе его было поглощено исключительно языческимъ міромъ и роскошью античнаго искусства. Теперь открылся для него новый рядъ творчества, гдѣ классическая красота тѣла отодвигалась на второй планъ, а требовалось выразить глубину содержанія, чувства, духа. Пока шли переговоры на счетъ заказовъ для церкви Богоматери, онъ сдѣлалъ для нея первый барельефъ, изображающій „Тайную Вечерю“.

Кромѣ скульптурныхъ работъ Торвальдсену предложено было придумать мѣры къ большому развитію искусства въ Даніи; который и принялся за это дѣло съ жаромъ. Онъ при-

соединилъ къ публичной картинной галлерей множество цѣнныхъ картинъ, разсѣянныхъ по разнымъ королевскимъ дворцамъ, распространилъ помѣщеніе академіи искусствъ, доставилъ въ нее копіи съ антиковъ и съ своихъ собственныхъ замѣчательныхъ работъ и исходатайствовалъ у короля разрѣшеніе на свободный входъ для всѣхъ желающихъ посѣщать картинную галлерей и академическіе музеи. Въ концѣ іюля 1820 г. Торвальдсенъ сталъ приготовляться къ отъѣзду въ Италію и 11 августа выѣхалъ.

Переѣздъ этотъ сопровождался сильной бурей. Изъ Ростока онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ встрѣтился съ другомъ своимъ Раухомъ. Въ Дрезденѣ молодые художники устроили ему великолѣпное шествіе съ факелами, съ музыкой и привѣтствовали серенадами и рѣчами. Въ Варшавѣ Торвальдсенъ былъ представленъ императору Александру I и сдѣлалъ съ него мраморный бюстъ поразительно схожій. Государь пожаловалъ ему брилліантовый перстень съ своимъ вензелемъ *).

Заказы посыпались на Торвальдсена. Въ Варшавѣ ему заказана была статуя знаменитаго астронома Николая Коперника; когда въ Варшавѣ онъ занемогъ, то императоръ Александръ прислалъ къ нему своего медика. Поправившись, художникъ поѣхалъ въ Тропау благодарить государя. Императоръ Александръ самъ представилъ художника австрійскому императору. Обаго сударя и другія коронованныя особы, присутствовавшія на конгрессѣ, обращались необыкновенно благосклонно съ талантливымъ скульпторомъ.

VI.

26 ноября Торвальдсенъ выѣхалъ изъ Вѣны и чрезъ Венецію пріѣхалъ въ Римъ. Въ Римѣ его встрѣтилъ самый

*) Въ 1823 г. императоръ пожаловалъ Торвальдсену орденъ св. Владиміра IV степени.

дружескій пріемъ и отпраздновали торжественной пріятельской пирушкой. Въ разгаръ пира неожиданно вошелъ Христіанъ, принцъ датскій, только что пріѣхавшій въ Римъ изъ Неаполя. Принца встрѣтили громкими привѣтами. Во все время пребыванія въ Римѣ Торвальдсенъ былъ его руководителемъ при осмотрѣ галлерей, римскихъ древностей и окрестностей Рима и сдѣлалъ его бюстъ. Когда Христіанъ уѣхалъ, Римъ посѣтилъ Людовикъ баварскій, другъ Торвальдсена.

Какъ ни привлекательны были разные заказы полученные Торвальдсеномъ, всего болѣе интересовали его произведенія назначаемыя для Копенгагена. Работать для родины было его постояннымъ стремленіемъ. Въ мечтахъ онъ наполнялъ церковь Богоматери своими лучшими произведеніями. Наконецъ, Торвальдсенъ приступилъ къ работамъ для Копенгагенской церкви. У него было до 40 человѣкъ помощниковъ и учениковъ. Простые мраморщики работали за плату, а художники, чтобы перенять какъ давать мрамору жизнь, душу и строгій классическій стиль. Въ числѣ учениковъ находился нашъ русскій скульпторъ Б. И. Козловскій *). Статуя „Христа“ особенно занимала Торвальдсена. Онъ самъ работалъ надъ ней, когда она была еще изъ глины, измѣнилъ ея позу и сказалъ: „Вотъ такъ будетъ хорошо“!

Сіяніемъ святости окруженъ божественный ликъ Спасителя, невыразимой нечеловѣческой красоты. Въ задумчивыхъ, строгихъ чертахъ свѣтится кротость и любовь. Взоръ Бога — человѣка обращенъ на окружающихъ его съ такимъ могуществомъ, что нѣтъ возможности отвести глазъ отъ этого дивнаго образа. Какъ будто только-что слетѣло съ устъ Его божественное слово „Прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы“. Поза и одежда Спасителя поразительны по величію, легкости и простотѣ. Не подозреваешь ни труда, ни усилія художника. Въ

*) Козловскій сдѣлалъ монументы Барклаю де-Толли и Кутузову и ангела на Александровской колоннѣ.

этомъ-то и тайна генія, что во всемъ сдѣланномъ имъ не замѣтно искусственности, всякая мысль о работѣ, о трудѣ исчезаетъ. Въ стилѣ его благородство и величіе, Христа Торвальдсена можно сравнить только съ Моисеемъ Микель—Анджело. Вы видите передъ собою не Назарянина, не Галлилеянина, рожденнаго въ средѣ еврейскаго народа, но Сына Божія, Бого-человѣка пришедшаго въ міръ для всѣхъ, слѣдовательно, равно принадлежащаго всѣмъ народамъ. Успѣхъ новаго произведенія Торвальдсена въ Римѣ былъ огромный. Мраморная статуя Христа находится въ Копенгагенской церкви Богоматери, а гипсовый слѣпокъ подаренъ Торвальдсеномъ въ церковь св. Луки въ Римѣ.

Торвальдсенъ былъ необыкновенно добръ и не дорожилъ трудомъ своимъ, если могъ кому нибудь помочь или утѣшить въ несчастіи. Нашъ русскій скульпторъ Рамазановъ въ своей статьѣ о В. А. Тропининѣ рассказываетъ, что разъ къ Торвальдсену въ студию вошелъ едва одѣтый мальчикъ съ сверткомъ бумаги въ рукахъ.

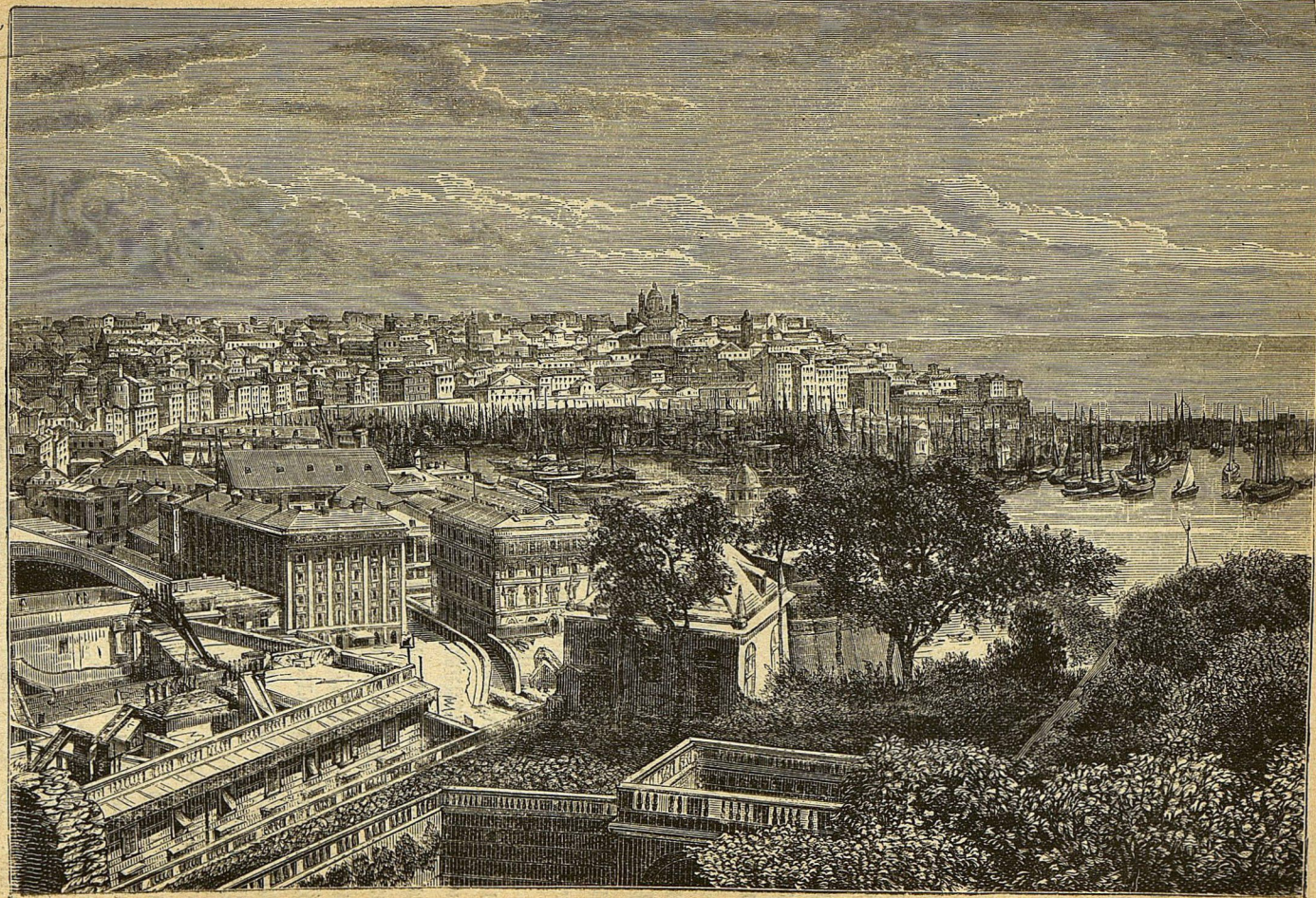
— Что тебѣ?—сказалъ Торвальдсенъ.

— Я рисую, но бѣденъ, семья большая, мать послала къ вамъ, *esselenza*. Говорятъ, вы великодушны, сдѣлайте меня художникомъ.

Торвальдсенъ развернулъ свертокъ и черезъ нѣсколько дней, мальчикъ, одѣтый во все новое, поселился въ мастерской и началъ учиться скульптурѣ.

Въ статуй „Іоаннъ Креститель“ проповѣдующій въ пустынѣ, сдѣланной для фронтона въ церковь Богоматери, Торвальдсенъ превосходно расположилъ фигуры, проникнутыя замѣчательнымъ единствомъ.

12-го октября 1822 года умеръ Канова на 65 году. У Торвальдсена не осталось во всемъ мірѣ соперника. Всѣ замѣчательные города Италіи почтили память Кановы торжественнымъ поминовеніемъ. Въ Римѣ, въ церкви св. Апостоловъ совершенно было отпѣваніе. Церковь была обтянута чернымъ крепомъ съ атрибутами глубокаго траура, посреди церкви

ГЕНУЯ.

катафалкъ, на немъ гробъ, окруженный многочисленными моделями его произведений, церковь представляла не погребальную процессію, а апофеозъ художника. Стеченіе народа было огромное. Торвальдсенъ участвовалъ въ церемоніи.

VII.

Вскорѣ былъ отправленъ второй транспортъ произведений Торвальдсена и благополучно прибылъ въ столицу Даніи. Въ числѣ другихъ вещей были гипсовые статуи Христа и двѣнадцати апостоловъ, но самъ художникъ остался въ Римѣ, ему надобно было окончить срочныя работы, отъ которыхъ оторвалъ его пріѣздъ въ Римъ принца датскаго и короля баварскаго.

Въ одно время съ Людовикомъ баварскимъ проживала въ Римѣ и наша русская великая княгиня Елена Павловна. Благодаря присутствію такихъ высокихъ гостей, обыкновенно тихая, мирная жизнь города преобразилась, празднества смѣнялись празднествами.

Проводивъ короля, Торвальдсенъ занялся работой и пустота, образовавшаяся въ его обширныхъ мастерскихъ, вслѣдствіе отправки въ Копенгагенъ двухъ большихъ транспортовъ, начала наполняться новыми произведениями. Между заказами этого времени самое видное мѣсто занимаетъ монументъ лорду Байрону. Отъ этой работы художникъ былъ на нѣсколько времени оторванъ хлопотами по случаю постановки монумента папѣ Пію VII въ храмъ св. Петра.

Байронъ представленъ во вдохновенной позѣ сидящимъ на обломкѣ греческой развалины; въ правой рукѣ его, приподнятой къ подбородку, карандашъ, въ лѣвой—поэма „Чайльдъ-Гарольдъ“. Возлѣ брошенный черепъ. Когда прекрасная статуя была окончена и привезена въ Англію, то ни Вестминстерское аббатство, ни церковь св.

Павла не захотѣли помѣстить ее въ стѣнахъ своихъ. Британскій музей и національная галерея также отказались. Цѣлая десять лѣтъ статуя оставалась въ ящикѣ, въ которомъ прислана была изъ Италіи. Наконецъ, когда коллегія Троицы въ Кэмбриджѣ пожелала дать ей мѣсто въ своей библіотекѣ, то ее насилу отыскали въ какомъ-то подвалѣ.

Между тѣмъ въ Римѣ стали серьезно говорить, что Торвальдсенъ намѣренъ оставить Италію и вопросъ — куда онъ переселится, чрезвычайно занималъ всѣхъ. Но прежде чѣмъ думать о переселеніи, онъ былъ сильно озабоченъ исполненіемъ заказовъ, которые, сверхъ многихъ причинъ, замедлялись болѣю его лѣвой руки.

Къ этому времени относится сдѣланный ему заказъ Даніей изъ мрамора статуи Спасителя и Апостоловъ, а изъ Майнца онъ получилъ приглашеніе участвовать въ сооруженіи монумента изобрѣтателю книгопечатанія Гутенбергу. Владѣя только правой рукою, онъ занялся такими работами, которыя не требовали особенныхъ усилій и изобразилъ разнообразныя похожденія Амура. Отрывочныя представленія древнихъ, какъ бы волшебствомъ, превратились въ цѣлый рядъ восхитительныхъ барельефовъ. Амуры точно сыпались у него изъ рукавовъ.

Когда въ Данію долетѣлъ слухъ, что Торвальдсенъ безпокоится тѣмъ, что въ Копенгагенѣ ничего не дѣлаютъ для устройства помѣщенія завѣщанныхъ имъ городу своихъ художественныхъ произведеній, и хочетъ объявить своимъ наслѣдникомъ когонибудь другаго, то это довели до свѣдѣнія короля и просили о разрѣшеніи устроить музей. Король принялъ прошеніе благосклонно и разрѣшилъ. Тогда копенгагенское худож. общ. предложило архитекторамъ на конкурсъ проектъ музея. Президентъ общества, Коллинъ, другъ Торвальдсена, увѣдомилъ его объ этомъ и поздравилъ съ первымъ шагомъ къ исполненію его желанія.

Въ это время извѣстный французскій живописецъ Горасъ Вернетъ нарисовалъ портретъ Торвальдсена. Онъ

представленъ за работой бюста Вернета. Портретъ этотъ отличается поразительнымъ сходствомъ. Онъ находится въ музеѣ Торвальдсена. Лучшій же изъ портретовъ Торвальдсена принадлежитъ кисти нашего русскаго художника—Кипренскаго,—помѣщенный въ Русскомъ отдѣленіи Императорскаго эрмитажа въ Петербургѣ.

Лѣтомъ 1835 года Торвальдсенъ сдѣлалъ эскизъ статуи Шиллера къ его монументу. Поэтъ представленъ погруженнымъ въ глубокое размышленіе; одѣтъ онъ въ костюмъ нашего времени, сверху накинутъ плащъ, голова увѣнчана лаврами; а въ 1836 году явилось его знаменитое произведеніе четырехъ временъ года. Академія св. Луки постановила, для ознаменованія великихъ услугъ Торвальдсена на поприщѣ искусствъ, выбить въ честь его золотую медаль. Это порадовало его несравненно больше, чѣмъ всѣ иностранные ордена, которыми щедро осыпали его всѣ монархи Европы.

Между тѣмъ въ Копенгагенѣ друзья художника открыли національную подписку для сооруженія музея. Подписка въ тысяча экземплярахъ быстро разошлась и вездѣ встрѣчена была горячимъ сочувствіемъ. Президентъ художественнаго общества Колинъ по порученію короля писалъ Торвальдсену и просилъ опредѣленно высказаться на счетъ его завѣщанія и будущаго музея, а лично отъ себя умолялъ немедлить возвращеніемъ на родину. Далѣе великій скульпторъ не хотѣлъ и не могъ колебаться. Онъ духовнымъ завѣщаніемъ положительно выразилъ свою волю передать въ будущій музей какъ собственныя мраморныя произведенія, такъ и пріобрѣтенныя имъ въ разное время: картины, гравюры, вазы, бронзы, гемы, рѣзные камни, бібліотеку и собраніе рисунковъ. Это развязало руки обществу и дѣло закипѣло. Талантливый датскій архитекторъ Биндесбель прислалъ изъ Рима проектъ музея, составленный имъ по указаніямъ самого Торвальдсена.

Когда король узналъ о рѣшеніи Торвальдсена возвратиться на родину, то лѣтомъ 1838 года далъ приказъ отправить въ

Ливорно за нимъ и за его вещами королевскаго флота 40 пушечный фрегатъ „Рота“

Приготовленіе къ отъѣзду, упаковка вещей и отправка ихъ въ Ливорно хотя и отнимали у Торвальдсена много времени, но урывками онъ вылѣпилъ барельефъ Адама и Евы и началъ большую статую Вулканъ, для той залы Христіанборгскаго дворца, въ которой помѣщенъ былъ и его фризъ: Триумфъ Александра. Въ эту же залу онъ приготовилъ Венеру и Марса и Амура взвѣшивающаго на рукѣ стрѣлу.

Незадолго передъ отъѣздомъ Торвальдсенъ отослалъ въ Копенгагенъ копію съ своего духовнаго завѣщанія. Святое чувство любви къ родинѣ руководило великимъ художникомъ, когда онъ упрочивалъ драгоцѣнный даръ свой за Даніей.

VIII.

10 іюля 1838 года, капитанъ датскаго флота Далерубъ увѣдомилъ Торвальдсена о прибытіи въ Ливорнскую гавань фрегата „Рота“, готоваго, согласно повелѣнію короля, принять на бортъ художника его вещи, и что онъ самъ лично явится къ нему въ Римъ за приказаніями.

1838 года 5-го августа Торвальдсенъ выѣхалъ изъ Рима; въ Ливорно, его радостно встрѣтили земляки, составлявшіе экипажъ фрегата, великій скульпторъ оставилъ Италію подъ тѣмъ же флагомъ, подъ которымъ 41 годъ тому назадъ оставилъ свое отечество беззаботнымъ юношей, безвѣстнымъ пансіонеромъ академіи; и возвращается на родину прославленный безсмертными твореніями, съ богатствомъ, едва помѣстившемся на 40 пушечномъ фрегатѣ, присланнымъ въ его распоряженіе...

Помните ли, юные читатели, какъ нѣкогда сокрушался добродушный капитанъ этого же фрегата о томъ, что станетъ въ Италіи съ этимъ бѣднымъ мальчикомъ.

Датскія и шведскія суда встрѣтили у Эльзенора съ хорами и музыкой торжественное прибытіе фрегата, на которомъ возвращался на родину Торвальдсенъ. Туманъ задерживалъ плаваніе фрегата, то небо озарялось его великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяніемъ. Между тѣмъ, какъ все народонаселеніе Копенгагена, несмотря на проливной дождь, цѣлый день тревожно, нетерпѣливо тѣснилось на пристани и въ прилежащихъ къ ней улицахъ, „Рота“ медленно шель среди тумана, сопровождаемый двумя судами—Даніи и Швеціи.

Въ понедѣльникъ, около полудня небо прояснилось и знамя, сигналъ фрегата, поднявшись на самой высокой колокольнѣ, возвѣстило городу его приближеніе. Шумныя, радостныя волны народа бросились къ пристани и въ ту минуту какъ фрегатъ шель между острововъ увѣнчанныхъ батареями и зеленой завѣсой Лангелана, отъ пристани отдѣлилось множество гребныхъ судовъ, украшенныхъ флагами, цвѣтами, гербами города, съ представителями разныхъ корпорацій съ значками своего цеха. На значкѣ артистовъ были изображены—три граціи, у поэтовъ — Пегасъ, у студентовъ — Минерва, у медиковъ—Эскулапъ, у моряковъ — Нептунъ. На одномъ изъ этихъ судовъ, въ греческомъ вкусѣ, находились представители академіи художествъ, чтобы привѣтствовать великаго художника отъ себя и отъ всѣхъ другихъ судовъ. Суда эти, раздѣлившись на два полукруга, — пропустили фрегатъ и сомкнулись вокругъ него, съ музыкой и пѣніемъ величественнаго гимна, сочиненнаго въ честь художника. Въ то же мѣновенье блестящая радуга прорѣзала облака и раскинулась надъ всѣмъ шествіемъ величественной аркой. Сопровождаемый всѣми судами, фрегатъ присталъ къ берегу, и геніальный скульпторъ ступилъ на родную землю. Среди неистовыхъ криковъ „ура“! онъ сѣлъ въ экипажъ, чтобы ѣхать во дворецъ Шарлотенборгъ, но народъ отпрягъ лошадей и на себѣ повезъ карету. Едва только Торвальдсенъ вошелъ во дворецъ, какъ толпа залила площадь и громко требовала, чтобы онъ показался. Художникъ изумленный, не ждавшій такого блестящаго приѣма,

показался на балконѣ и привѣтствовалъ своихъ соотечественниковъ. Такой пріемъ, такой торжественный, національный праздникъ показался бы невѣроятнымъ, еслибы фрески и журналы того времени не запечатлѣли его въ памяти народовъ. Этимъ работникамъ, этимъ матросамъ, мѣщанамъ не понимавшимъ ничего въ созданіяхъ Торвальдсена, для такого царственного пріема достаточно было знать, что этотъ старецъ заставилъ всю Европу говорить о Даніи.

Торвальдсену было приготовлено роскошное помѣщеніе въ зданіи академіи, окнами обращенное въ садъ. Въ нѣсколькихъ залахъ были расположены высланные и привезенныя имъ его художественныя произведенія.

Каждый день академія была осаждена посѣтителями. Старецъ-художникъ всѣхъ принималъ привѣтливо. Посѣщенія и суетная жизнь большого города утомляла Торвальдсена, и онъ, какъ только могъ, уѣхалъ въ помѣсть своего стараго друга барона Стампе, гдѣ велъ самую тихую жизнь среди этого почтеннаго семейства. По обыкновенію своему вставалъ онъ очень рано, выпивши молока гулялъ, потомъ садился за работу. Вечера проводилъ съ друзьями, изъ нихъ ближе всѣхъ онъ былъ съ Андерсеномъ — извѣстнымъ писателемъ сказокъ, и часто спрашивалъ его:

— А не будетъ ли намъ сегодня сказочки? и всегда съ наслажденіемъ слушалъ его фантастическіе рассказы; они не разъ пробуждали въ его памяти лунныя ночи его дѣтства и прялку матери. Любимой игрой его вечерами было лото.

Устройство музея заставляло Торвальдсена временами бывать въ Копенгагенѣ. Тамъ всѣ желали видѣть знаменитаго скульптора, но онъ всегда скромный не возносился своей славой, никому не завидовалъ и пользовался всеобщей любовью. Всегда готовый помочь ближнему, относительно себя онъ былъ чрезвычайно расчетливъ.

Въ 1841 году Торвальдсенъ еще разъ посѣтилъ Римъ, по пути былъ въ Берлинъ, Дрезденъ, Мюнхенъ. Короли при-

нимали его какъ друга, города пылали иллюминаціями, давались парадныя празднества, при появленіи Торвальдсена толпа вставала привѣтствуя его. Въ Римѣ онъ пробылъ только годъ и возвратился въ Копенгагенъ, гдѣ 24 марта 1844 кончилъ жизнь отъ апоплексическаго удара, поразившаго его въ королевскомъ театрѣ, гдѣ онъ бывалъ каждый вечеръ по своей страстной любви къ музыкѣ.

Похороны Торвальдсена были также торжественны, какъ и его пріѣздъ. Тѣло было выставлено въ залѣ Шарлотенборга, въ гробѣ увѣнчанномъ цвѣтами и гирляндами, окруженномъ его великими античными твореніями; на головѣ художника надѣтъ былъ лавровый вѣнецъ; на крышѣ гроба начертана статуя Торвальдсена; на черный покровъ положены были ножницы скульптора, между вѣтокъ лавровъ и пальмъ. Среди вѣнковъ находился вѣнокъ отъ королевы Даніи. При звукахъ печальной музыки и звонѣ колоколовъ, толпы народа шли за гробомъ; гробъ несли на рукахъ сорокъ художниковъ, по улицамъ, на которыхъ дома были обвѣшаны чернымъ сукномъ, изъ оконъ сыпались цвѣты и вѣнки. При входѣ въ соборъ процессію встрѣтили король и принцъ и на рукахъ внесли гробъ въ церковь.

Въ память Торвальдсена, по повелѣнію короля, выбита была золотая медаль.

Спустя четыре года останки его были перенесены въ гробницу, воздвигнутую среди его великихъ созданій.

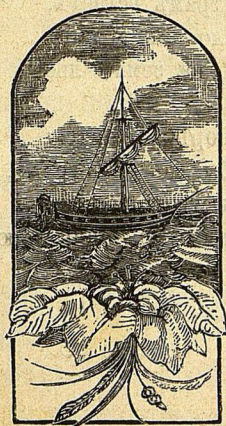
IX.

Музей, вотъ памятникъ Торвальдсена! Онъ воздвигнутъ позади царскаго дворца Христіансборга, среди обширной площади, простирающейся по берегу мрачнаго, печальнаго канала, форма его—продолговатый четырехъугольникъ, крыша плоская, рѣзко выступающіе карнизы — съ архитектурными украшеніями — и маленькими медальонами изъ терракоты,

весь видъ зданія съ четвероугольными столбами — напоминаютъ греческую архитектуру, окна идутъ въ два яруса. Наружныя стѣны музея чернаго цвѣта, расписаны сцѣнами его торжественнаго вѣзда въ Копенгагенъ, красками — красной, желтой и бѣлой въ родѣ этрусскомъ или египетскомъ — безъ тѣней. Съ фасада пять дверей ведутъ въ входную залу. Надъ средней дверью фасада — богиня славы въ колесницѣ правитъ четверкою бронзовыхъ коней. Изъ этой обширной залы, гдѣ стоятъ колоссальныя статуи работы Торвальдсена, открывается большой внутренній дворъ музея, обнесенный галлереями, открытый снаружи. Въ галлереяхъ съ балконами и за ними въ рядъ идутъ 24-хъ комнаты, гдѣ собраны всѣ произведенія Торвальдсена, въ гипсѣ, въ мраморѣ, въ глинѣ. По стѣнамъ комнатъ отдѣланныхъ въ помпейскомъ вкусѣ расположены его барельефы. Всѣхъ статуй его считается 60, барельефовъ — 300 и 200 бюстовъ. Въ отдѣльныхъ комнатахъ собраны завѣщанныя имъ музею картины, эскизы, монеты, вазы. Въ отдѣльной комнатѣ хранится мебель и вещи находившіяся въ кабинетѣ Торвальдсена. Среди открытаго двора видна невысокая земляная насыпь въ черныхъ мраморныхъ рамкахъ, вся поросшая вьющимся плющемъ, на черныхъ рамкахъ плиты вырѣзано:

Альбертъ Торвальдсенъ родился 19 ноября 1770 года, умеръ 24 марта 1844 года.

* *

ОСЕНЬЮ.

ОЕТЪ завываетъ
Вѣтеръ холоднѣй,
Блѣкнетъ, увядаетъ
Красота полей.

Расходились тучи
Въ глубинѣ небесъ,
Потемнѣлъ дремучій
И зеленый лѣсъ...

Видится снопами
Полное гумно,
Брызжетъ подъ цѣпами
Спѣлое зерно...

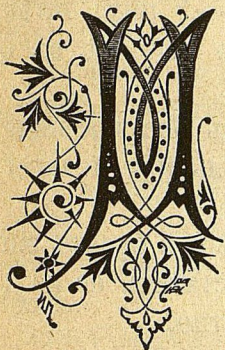
Солнышко не рано
По утрамъ встаетъ,
Тускло изъ тумана
Лучъ на землю льетъ

И скорѣй ложится;
Чтобы, кончивъ трудъ,
Могъ утомониться
Съ нимъ крещеный людъ.

С. Дрожжинъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

ЕНЯ пригласило эту зиму, на чашку чаю“ семейство мало мнѣ знакомое; отказаться отъ приглашенія было неудобно, и я отправилась, со вздохомъ разставаясь съ уютнымъ уголкомъ, мягкимъ кресломъ и вечерней тишиной.

Когда я вошла въ первую комнату, всѣ уже сидѣли за дѣломъ, т. е. играли молча въ карты, а хозяйка извинилась, что приглашенная ею наша общая знакомая не можетъ быть и что я, не играя въ карты, рискую проскучать весь вечеръ. Я просила ее не беспокоиться обо мнѣ, а продолжать свою партію, такъ какъ я всюду прихожу съ рабочимъ приборомъ и, кромѣ того, невзыскательна; гдѣ найдется книга—почитаю, а не то, помолчу, работая.

— У меня въ гостиной Настенька сидитъ со своими подругами, прибавила хозяйка, зная мою слабость къ молодымъ дѣвушкамъ.

— Вотъ и прекрасно, замѣтила я,—постараюсь не мѣшать своимъ присутствіемъ.

Я вошла въ гостиную; тамъ нѣсколько молоденькихъ дѣвицъ сидѣли за круглымъ столомъ и болтали, рассматри-

вая альбомы и коллекціи фотографій съ картинъ знаменитыхъ галлерей Европы. Я присѣла поодаль, вынула свое вязанье и вскорѣ такъ углубилась въ собственную думу, что говоръ ихъ долеталъ до меня какъ бы изъ далека. Говорили обо всемъ возможномъ; кто посѣщалъ курсы, говорилъ объ учителѣ литературы, кто выѣзжалъ въ свѣтъ — о послѣднемъ вечерѣ, гдѣ такъ много танцевали, о концертѣ Сарасате, о новой оперѣ; одна молодая дѣвушка съ жаромъ рассказывала о своей поѣздкѣ за-границу и выразила желаніе вѣчно жить подъ синимъ небомъ Италіи.

— Слышали вы новость, mesdames? Кругловы уѣзжаютъ въ деревню навсегда, вмѣшалась одна хорошенькая брюнетка, мало говорившая до сихъ поръ.—У нихъ имѣнье въ Курской губерніи; Иванъ Николаевичъ вышелъ въ отставку и хочетъ заняться хозяйствомъ.

— Неужели, а Оленька какже? Вѣдь она посѣщаетъ курсы, замѣтила блондинка, тоже слушательница педагогическихъ курсовъ.

— Ахъ, Оленька конечно остается здѣсь и будетъ жить у тетки; говорятъ, родители согласились оставить ее на два года въ Петербургѣ, кажется, очень неохотно.

— А Вѣрочка и Лиза? Ихъ, я думаю, и не спросятъ, сказала блондинка.

— Какъ имъ будетъ скучно, замѣтили почти всѣ въ одинъ голосъ. Ихъ уѣздъ, говорятъ, пустой, сосѣдей нѣтъ, а до города 48 верстъ.

— Къ Вѣрѣ и Лизѣ взяли гувернантку; вѣдь одной 16, а другой 14 лѣтъ, надо учиться. Навѣрное останутся старыми дѣвами, будутъ скучныя, злыя, замѣтила смѣясь красивая взрослая дѣвушка, о которой тихонько говорили, что она невѣста и только ждутъ повышенія по службѣ ея жениха, чтобы объявить о помолвкѣ. — Бѣдныя! какъ мнѣ ихъ жаль! И что это Кругловымъ понадобилось ѣхать въ такую глушь!

— Ну, имъ то не скучно; Марья Ивановна любитъ де-

ревню, возится съ хозяйствомъ, лечить бабъ и ребятишекъ, а Иванъ Петровичъ заботится объ улучшеніяхъ крестьянскаго быта и хочетъ служить по земству.

— А я бы хотѣла жить въ деревнѣ, робко замѣтила худенькая дѣвочка-подростокъ;—я бы не скучала. Поднялся горячій споръ; большинство дѣвушекъ прямо говорило, что въ деревнѣ тупѣютъ, умственные способности глохнутъ — дороги нѣтъ никакой...

— Отчего вы думаете, милыя мои барышни, что въ деревнѣ такъ трудно жить, или что тамъ люди тупѣютъ, вмѣшалась я въ разговоръ. — Я такъ думаю, что въ деревнѣ, въ глуши, какъ вы говорите, семейство крѣпнеть, характеры развиваются правильнѣе, да и духовный горизонтъ расширяется.

Я знала людей, прожившихъ въ деревнѣ вѣкъ свой, въ которыхъ понятіе и жизнь развиты вполне правильно.

— Хотите, я вамъ опишу такую семью, которую знала въ лѣта моей юности? Она имѣла благотворное вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь и, можетъ быть, помирить васъ съ долей, ожидающей семейство Кругловыхъ въ деревнѣ.

— Разскажите, милая Марья Александровна, заговорили всѣ барышни вдругъ и уже собрались было около меня, но я ихъ попросила придти ко мнѣ завтра вечеромъ — съ работой, а то ужъ двѣнадцатый часъ и мнѣ домой пора. Милыя мои слушательницы согласились и, на другой день, въ назначенный часъ, явились ко мнѣ.

II.

— Я познакомилась съ семействомъ Р., начала я свой разсказъ—когда мнѣ было лѣтъ 15; мы тогда часто ѣздили съ отцомъ гостить въ сосѣднюю Л—скую губернію, гдѣ у отца моего было много родныхъ и друзей. Къ числу первыхъ принадлежали и Р.

— Живо помню мой первый приѣздъ къ нимъ, зимою. Утомленная долгимъ, трехдневнымъ переѣздомъ въ кибиткѣ, съ ночевками по деревнямъ и всѣми неудобствами тогдашнихъ путешествій — на долгихъ — я очень обрадовалась, когда мы наконецъ подъ вечеръ достигли усадьбы и подъѣхали къ длинному невысокому дому съ черепичной крышей. Изъ оконъ свѣтились огни; дребезжащій колокольчикъ повѣдалъ, должно быть, о нашемъ появленіи, большая собака съ лаемъ бросилась къ кибиткѣ, двое откуда-то мгновенно появившихся людей вытащили насъ изъ нашей повозки и помогли взойти въ прихожую, гдѣ насъ обдало тепломъ и свѣтомъ.

На встрѣчу къ намъ вышелъ мужчина громаднаго роста, совершенно сѣдой, но на видъ такой бодрый и свѣжій, что сѣдина его казалась пудрой. Я позже узнала, что его между друзей называли „маркизомъ“. Это прозвище дѣйствительно подходило къ его осанкѣ и рыцарской вѣжливости. Онъ обнялъ отца моего съ громкимъ возгласомъ радости; потомъ быстро подошелъ ко мнѣ, безъ церемоніи приподнял меня какъ ребенка съ полу и крѣпко поцѣловалъ.

— Такъ это дочь твоя, Александръ, заговорилъ онъ густымъ, пріятнымъ голосомъ.— Какая большая, красивая! Ну, племянница, очень радъ познакомиться; идите же скорѣе, семья васъ давно ждетъ. Онъ провелъ насъ въ большую комнату, освѣщенную лампою подъ большимъ абажуромъ. Насъ окружили, обласкали, посадили; всѣ заговорили разомъ, какъ это всегда бываетъ послѣ долгой разлуки между людьми, хорошо знающими другъ друга. Пользуясь легкой суматохой, я оглянулась.

Близъ входной двери стояло фортепіано—не рояль—со множествомъ нотъ, разбросанныхъ на немъ; въ углу темный, рѣзной шкафъ, старинной работы; мебель вся тяжелая, старинная, но удобная, а близъ большаго стола, вокругъ котораго мы всѣ собрались, въ старомъ, вольтеровскомъ креслѣ, сидѣла маленькая, худенькая старушка, жена сѣдаго ста-

рика; она и привѣтствовала насъ сидя, только чуть-чуть привставъ. Когда я нагнулась, чтобы поцѣловать ея тонкую, бѣлую руку, она приподняла мою голову и посмотрѣла на меня, ласково проговоривъ нѣсколько словъ, съ замѣтнымъ иностраннымъ выговоромъ.

Я такихъ глазъ ужъ не видала болѣе. Большіе, темно-синіе, въ нихъ горѣлъ какой-то внутренній огонь, озарявшій блѣдное, худое лице; казалось, вся жизнь этой болѣзненной маленькой старушки сосредоточилась въ нихъ. Она давно лишилась ногъ и страдала болѣзнию сердца; но не смотря на это, была бодра духомъ и весела! Шутила и смѣялась какъ молодая женщина; ея тонкій, добродушный юморъ оживлялъ весь домъ; я по цѣлымъ часамъ просиживала у ея ногъ, когда она рассказывала о минувшей молодости, о своей родинѣ (она была родомъ изъ южной Германіи), о знакомствѣ съ замѣчательными людьми своего времени и о томъ, какъ трудно ей было привыкать къ уединенной деревенской жизни, вдали отъ своихъ родныхъ, въ чужомъ краю... на чужой сторонѣ.

Семейство это состояло изъ трехъ дочерей и сына, служившаго гдѣ-то въ Малороссіи ротмистромъ въ кавалерійскомъ полку.

Старшей дочери, Софѣ, было уже лѣтъ подъ сорокъ, но наружность ея хранила слѣды замѣчательной красоты. Высокая, стройная, съ величественною осанкой, она походила на отца. Тѣ же черныя брови, тотъ же правильный носъ, съ горбинкой, только около строгаго рта лежала какая-то черта какъ бы затаенной грусти; черная, густая коса, сложенная діадемой надъ бѣлымъ лбомъ, не думала еще се-ребриться, да безукоризненные зубы сверкали бѣлизной, при рѣдкой улыбкѣ, озарявшей мгновенно ея строгія, нѣсколько печальныя черты лица. Она была правой рукой своего отца, сопровождала его всюду; вмѣстѣ съ нимъ наблюдала лѣтомъ за полевыми работами, причѣмъ находила время для всѣхъ

больныхъ или нуждающихся крестьянъ вокругъ нея и, кромѣ того, была страстная и отличная музыкантша.

Вторая, Юлія, тоже переступившая роковой 30-ти-лѣтній возрастъ, какъ-то ступевывалась передъ старшей сестрой. Ея сѣрые близорукіе на выкатѣ глаза робко смотрѣли на всѣхъ, и некрасивыя черты сначала не располагали въ ея пользу.

Но немного надо было пожить съ нею, чтобы удостовѣриться, какая прелестная душа таилась въ этой невзрачной оболочкѣ. Какъ она ухаживала за больной матерью, страдавшей иногда безсонницами и одышкой. Она незамѣтно и неслышно царила, какъ добрый геній, въ домашнемъ быту, подъ ея волшебными руками вся обыденная жизнь небогатаго дома принимала поэтическій видъ. Нигдѣ я не видывала красивѣе убраннаго стола, изящная разстановка стариннаго фарфора, безукоризненная бѣлизна столоваго бѣлья, все ласкало взоръ и простой, незатѣливый обѣдъ казался отъ этого вкуснѣе.

Она вѣчно что нибудь работала и изъ подъ ея искусныхъ рукъ выходили не только что прелестныя вещицы, но и самыя простыя, грубыя одежды, назначавшіяся бѣднымъ ихъ прихода.

Теперь перехожу къ младшей сестрѣ Дорѣ, о которой меня ужъ предупреждалъ отецъ, что она слѣпая. Она первая подошла къ намъ, нѣжно обняла отца моего, котораго особенно любила, потомъ тихо провела рукой по моему лицу. Я съ трепетомъ глядѣла на нее, мнѣ ея слѣпота казалась чѣмъ-то ужаснымъ, несправедливымъ! Какъ она должна быть несчастна! думала я, не смѣя поднять глазъ на нее, забывая въ тоже время, что она не могла бы видѣть выраженіе ихъ. Но Дора какъ будто угадала мои мысли.

— Не бойся, дружокъ, замѣтила она кротко, я вѣдь почти-что вижу, вотъ этими глазами, указывая на кончики своихъ тонкихъ пальцевъ.

— У нея милое лице, замѣтила она, потомъ обернувшись къ другимъ добавила, я ее полюбила.

Она присѣла около меня и стала разспрашивать о моихъ занятіяхъ, вкусахъ, люблю ли искусство, рисую ли, пою ли; мое юное сердце совсѣмъ растаяло и я, конечно, съ дѣтской откровенностью отвѣчала на ея симпатичные распросы.

Но понемногу усталость давала себя чувствовать, и я съ радостью воспользовалась приглашеніемъ Юліи указать мнѣ мою комнату; напившись горячаго молока, чаю или кофе, намъ, очень молодымъ дѣвушкамъ, не давали,—я отправилась къ себѣ и вскорѣ утонула въ мягкомъ пуховикѣ старинной громадной кровати.

Мери С—ва.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

МОЯ НЯНЯ.

ОТКУДА, няня, они музыку брали? спрашиваю я, увлеченная рассказом няни.

— Откуда брали? спрашиваетъ въ свою очередь няня не то удивленнымъ, не то недовольнымъ голосомъ. Извѣстно, своя была! Цѣлый оркестръ, человѣкъ тридцать своихъ музыкантовъ было: всѣ лакеи, мой покойничекъ тоже; три конторщика, цирюльникъ, бабушкинъ паликмахеръ—да малоли всякаго народу состояло въ музыкантахъ. А барина—твоего дѣдушки—камердинъ былъ капельместеромъ, отмѣнно на первой скрипкѣ игралъ. Да не онъ одинъ былъ у насъ ученый: и флейта, и кларнетъ, и виолончель, и контрабасъ—всѣ въ Москвѣ обучались, за то и играли страсть какъ хорошо. Бывало, иной разъ и гостей нѣтъ, развеселится это баринъ въ своемъ домашнемъ кругу и крикнетъ камердину:—Василій, какъ обѣдъ на столъ, такъ музыкантовъ на хоры! Ну, и играютъ весь обѣдъ, пока господа кушаютъ, иногда и дольше играютъ, а затѣмъ, имъ поднесутъ по чаркѣ вина и остаются всѣ довольны. Такъ вотъ какъ прежніе господа жили, а нонѣшніе что?

— Няня, и дѣтей тоже возили съ собой? спрашиваю я.

— Вотъ что придумала, куда же дѣтей съ собой таскать, нѣтъ, дѣти оставались дома.

— Какже, няня, ты говоришь, что господа уѣзжали на нѣсколько недѣль изъ дому, значитъ, дѣти жили все время одни?

— Не то, что одни, а съ прислугой, а то у иныхъ губернантики да губернеры были при дѣтяхъ. Правда, въ то время, дѣтей не засаживали такъ рано за книжки, какъ теперь, вотъ тебѣ только десять годковъ, а ты ужъ читать и писать умѣешь, и маменька пріискиваетъ тебѣ губернантику, французенку, ну а тогда дѣтей начинали учить гораздо позднѣе, значитъ, не морили такъ надъ ученьемъ, какъ теперь.

— Да развѣ меня, няня, морятъ? спрашиваю я, смѣясь.

— А то развѣ нѣтъ? День деньской учишься, то съ папенькой, то съ маменькой, не то и сама уткнешься въ книгу, — а по настоящему, такому махонькому ребенку никакого еще ученія не должно быть! отвѣчаетъ няня почти съ досадой.

— Полно, няня, это тебѣ такъ кажется, я учусь немного съ мамой, а если устану или мнѣ не хочется и полно. Папа же только намъ громко читаетъ, а мы съ мамой слушаемъ его.

— Разсказывай! Все тоже ученіе!

— Да увѣряю тебя, няня, что нѣтъ! А я тебѣ вотъ что скажу, хотя ты и говоришь, что въ прежнее время жили лучше, а по моему хуже. Ну, а если бы папа и мама на долго оставили меня одну, чтобы я стала дѣлать?

— Это правда, тогда господа дѣтьми не занимались такъ какъ теперь, да и въ хозяйство тоже сами не вникали! проговорила няня задумчиво:

— Кто же занимался хозяйствомъ? спрашиваю я.

— Слава тебѣ Господи! было кому: и управитель, и прикащики, и конторщики, и земскіе, и старосты, и выборные — мало ли у насъ всякихъ чиновъ было. Да и имѣнье-то у стараго барина было не то, что теперь, сколько деревень-то было, должно быть душъ съ тысячу, а то и поболѣе. Ну, прожилъ это онъ кое-что, деревни съ двѣ должно быть про-

далъ, дочерей замужъ повыдалъ да наградилъ; а затѣмъ имѣнье на двухъ сыновей въ раздѣлъ пошло, старшій-то барченокъ еще раньше померъ, при жизни стараго барина. Пока все еще было ничего, держались кое-какъ, ну а теперь, какъ мужику волю дали, такъ понятно труднѣе стало жить, за все значить работы плати!

Няня никакъ не могла помириться съ только что наступившемъ порядкомъ вещей, о которомъ такъ много толковали, что и я была посвящена въ это событіе, несмотря на свои юныя лѣта.

— Да вѣдь, няня, какъ же ему не платить, когда онъ работаетъ?

— Вѣдь не платили же прежде?

— Ну что же и дѣлали дурно! отвѣчала я, наслышавшись объ этомъ отъ моихъ родителей. Ему надо платить за работу, онъ бѣдный! Что же, по твоему, не хорошо сдѣлали, что дали всѣмъ волю?

— Какъ тебѣ сказать? отвѣчаетъ няня задумчиво. Конечно, у другихъ господъ народу жилось плохо, что говорить! Ну, мы никогда строгости не видали; сѣчь—у насъ не сѣкли никого, бить тоже не били. Старый баринъ былъ человѣкъ добрый и справедливый, любить его — все любили, уважать—уважали, а бояться—никто не боялся. Онъ никогда никого пальцемъ не тронулъ, ни даже малаго ребенка! Старая барыня была тоже ничего, добрая, такъ иногда разсердится на кого, махнуть это платочкомъ — вотъ и всего. Про твоихъ папеньку и маменьку и говорить нечего—живись у нихъ плохо, я вѣдь давно бы могла уйти, твой папенька когда еще мнѣ вольную далъ, да я о ней и думать забыла! Старые господа были богатые, пребогатые, домъ былъ полная чаша и никто не былъ обиженъ! А я не говорю, есть и такіе господа, отъ которыхъ оборони Богъ каждаго, вотъ для такихъ господъ конечно хорошо, что отняли у нихъ власть народъ тиранить.

— А дѣдушка былъ очень богатъ? спрашиваю я.

— Страсть какъ богатъ! Вѣдь онъ былъ дважды женатъ: первая-то жена была не то чтобы очень знатна, но богачка страшная, одна дочь у родителей и по смерти ихъ все ей досталось. А ужъ приданое какое ей дали — такого теперь и не увидишь: всѣ сапожки, туфельки, даже одѣяла были жемчугами вынизаны. Вотъ какъ поизносилось все это, то, бывало, соберутъ дѣвушекъ да дѣвочекъ въ дѣвичью, усадятъ вокругъ стола, поставятъ передъ ними тарелки и велятъ жемчугъ спарывать, да на тарелки съ разборомъ класть: крупный къ крупному, а мелкій къ мелкому. Я помню со-всѣмъ еще махонькой дѣвчонкой была, когда этимъ дѣломъ занималась.

— А свадьба какая, говорятъ, была, просто пиръ на весь міръ! твой дѣдушка былъ тогда важнымъ чиновнымъ лицомъ въ губерніи и женился-то онъ на тамошней, такъ въ день свадьбы-то для народа бочки вина на улицу выкатывали и угощали всѣхъ, кто только хотѣлъ пить. Да не далъ Богъ ей вѣку — молодая померла! И добро ее все прахомъ пошло! проговорила няня въ глубокой задумчивости. Досталось оно все одному въ руки, старшему твоему дядѣ — одинъ вѣдь онъ былъ отъ первой-то жены, — человекъ вышелъ не путевый, и остался ни съ чѣмъ, ниже ломаного гроша въ карманѣ, кабы не родитель, такъ бы въ бѣдности и померъ. При родителѣ жилъ и скончался. Вѣдь дѣдушка-то твой семидесяти лѣтъ на судъ Божій представился!

— Затѣмъ, дѣдушку твоего въ чинахъ повысили и перевели на службу въ столицу, тоже на важное мѣсто, такъ ужъ онъ взялъ жену не очень богатую, но знатную, презнатную, и вотъ у нея то были двѣ дочери, да два сына, твой папенька былъ изо всѣхъ младшій.

— А гдѣ мои тети? спрашиваю я няню.

— Да померли, дитятко, кромѣ твоего папеньки всѣ перемерли, ну, да онъ и на многое былъ моложе ихъ всѣхъ. Старшая-то была страсть какая красавица, первой красавицей въ столицѣ слыла и добрая, предобрая, ко всѣмъ та-

кая ласковая, милостивая, что и сказать нельзя — вся въ отца! Мать-то была знатна, да ужъ и горда, просто не приступись! А она нѣтъ, совсѣмъ простой человѣкъ. Бывало, какъ пріѣдетъ она изъ столицы-то въ деревню, вотъ у насъ веселье и поидетъ! Соберетъ это всѣхъ насъ дѣвушекъ, призоветъ въ свою комнату — у барышень-то комнаты были отдѣльныя, на верху, скрипку, либо двѣ спросить и обучаетъ насъ всѣмъ танцамъ, какимъ сама въ столицѣ обучилась.

— Что же вы танцовали, няня?

— Да разные танцы: и экосезъ, и матлотъ, и матрадуръ—одинъ разъ такъ цѣлому балету насъ обучила, вишь супризь устроила къ папенькинымъ именинамъ, и сама его съ нами танцовала.

Я смотрѣла на худое, сморщенное лицо няни, на ея темную, чуть что не монашескую одежду и въ моей дѣтской головкѣ никакъ не укладывалась мысль, что моя милая, добрая старушка была когда-то молодая, можетъ быть, красивая дѣвушка и танцовала балетъ подъ звуки домашняго оркестра.

Особенно интересовалъ меня танецъ матрадуръ, такъ казалось мнѣ заманчиво его названіе, что я сильно желала имѣть о немъ настоящее понятіе.

— А ты, няня, любила танцовать?

— Страсть какая была охотница! Да и вообще я была человѣкъ веселый: первая нѣсенница, первая плясунья, никто лучше меня не плавалъ, никто шибче не бѣгалъ. Бывало, когда господа велятъ намъ, лѣтомъ, на дворѣ собраться и въ разныя игры, для ихъ забавы, играть, а сами сядутъ у крыльца, на креслахъ и смотрятъ на насъ, то меня въ горѣлки никто бывало не догонить, ни даже одинъ мушина догнать не могъ, такъ я шибко бѣгала, а они-то мнѣ всегда кричатъ: браво, браво Варя! молодецъ Варя! итакъ это мнѣ лестно и пріятно!

— А ты, няня, была хорошенькая?

— Ничего, не изъ дурныхъ, особливо когда пріодѣнусь! Барышня меня больше за красоту, да за веселось и любила,

она сама страсть какая веселая была! Я вѣдь у нея въ любимицахъ состояла!

— А ты, няня, любила хорошо одѣваться?

— Охотница была до нарядовъ! Вотъ какъ-то разъ барышня пріѣхала изъ Питера и привезла мнѣ краснаго камлота на платье, а я красный цвѣтъ до страсти любила. И сшила я его съ черной оторочкой, завила себѣ на переди локоны, сзади заложила косу съ гребенкой — нашъ паликмахеръ, что старую барыню каждый день чесалъ, причесывалъ меня — и пошла въ Троицынъ день къ обѣднѣ! Такъ на меня весь народъ въ церкви глаза проглядѣлъ.

Я снова пристально оглядѣла свою няню и снова отказывалась представить ее себѣ въ красномъ камлотовомъ платьѣ съ черной оторочкой и въ локонахъ. А между тѣмъ, воспоминаніе о давнемъ прошломъ видимо оживила мою старушку, она рассказывала съ явнымъ удовольствіемъ о томъ времени, когда была молода и когда ей жилось весело и беззаботно! Вотъ почему ей и казалось вѣроятно, что старое время было гораздо лучше новаго, и что прежніе люди умѣли жить лучше теперешнихъ.

— Няня, что это былъ за танецъ, матрадуръ?

— Я не могу тебѣ этого рассказать, дитятко?

— А ты, няня, его помнишь?

Няня подумала, и затѣмъ проговорила:

— И то помню... вотъ диковинное дѣло! Совсѣмъ даже помню...

— Няня, голубушка, покажи мнѣ какъ его танцовали!

— Ишь что придумала! стану я, на старости лѣтъ, прыгать! Нѣтъ, не подъ силу, да и грѣшно въ мои года танцовать!

— Почему-же, няня, грѣшно? Вѣдь ты танцевала же прежде?

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Е. Григорова.

ЭСТОНЦЫ.

Подписка на журналъ «ИГРУШЕЧКИ» на 1881 г. продолжается.
Подписка на 1882 годъ открыта.

Редакторъ-издательница **Т. ПАССЕКЪ.**

Довзволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 октября 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.